

Илья Френкель

ДЕЛО БЫЛО В РЕВЕЛЕ

поэма

Ф-87

P 29215

КНИГА
В СОБРАНИИ

76

И. ФРЕНКЕЛЬ

ДЕЛО БЫЛО В РЕВЕЛЕ

ОГИЗ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1941

Разгуливал часовой,
Проминался постовой.

На цепочке, на блескучей,
Возле самого желудка,
По уставу и на случай
У него висела дудка —
Караульного позвать...

— Ать, два,
Ать...

Он не спит, он не ест — по уставу,
Охраняет подъезд — по уставу.
Безусловно, смены ждет — по уставу,
Время долго идет — по уставу.

Пост номер пять — опора трона,
Святое дело на земле.
В магазинной коробке четыре патрона.
Пятый в стволе.
В России, в деревне, Матрена.
В Ревеле — синяк на скуле.

Вот он ходит, тянет бремя,
А покуда час да время —
Сто балтийских моряков,
Наших русских мужиков,
Пензенских да костромских,
Вологодских и псковских,
Туляков, сибиряков,
Молодых и стариков,

Только горем просмоленных,
Только морем посолённых,
Лентами помахивают,
Ногами потряхивают,
Всячески ругаются и к дому
подвигаются:

Эх, елки-палки, лес густой!
И глядит на них совой
С подбитым глазом часовой.

— Ать, два,
Ать, два.

2

*И встретились,
и есть о чем поговорить*

Придержала шаг братва.

Ч а с о в о й

Стой! ни полшага вперед.
А иначе — дудку в рот,
Караульного свистать...

М о р я к и

Что тут делать?
Надо стать...
А ну, подвинься. Что серчаешь?
Не так товарищей встречаешь.
Винтовка здесь совсем напрасная
И очень опасная:

Старый моряк

Да ну...
Вперед пошлемте сатану.
Веди, зараза, нас в тюрьму,
Да к коменданту твоему!..

3

Адмиральские часы идут точно

Венецианское окно —
Святой Георгий на стекле —
Решеткою ограждено.
Ядро и якорь на столе.

А над столом, в окне, валив
Свинцовую волну гоняет,
И, веник дыма в небо вбив,
Четырехтрубник курс меняет...
Впрочем, из этого окна
Набережная не видна.
Не виден, значит, самый порт,
Где кораблишки бортом в борт,
Как свиньи, чешут... Не видны
Жандармов синие штаны,
Усы, перчатки нитяные,
Не видны кольца нефтяные
Портовых луж. Картина эта —
Не в поле зренья кабинета
Начальника морской тюрьмы.

Но в кабинет вернемся мы.
Сей кабинет паркетом глянец
Весьма надежно отделен
От мест, где учат новобранцев,
Где поздравляют молодых,
Где раздробляют подлецов,—
Закрит брандмауэром он
От проклятущих тех плацов...

Матросский плац — просторный стол.
Покрит линолеумом пол.
Стоят старинные часы,
Прозрачным куполом покрыты,
И кресла будто с полом слиты.
А в креслах — желтые усы
Какой-то ветхий старичонка
Теребит ссохшейся ручонкой.
Мундирчик флагманский на нем
С насквозь проеденным сукном.
Из трубочки порхает дым —
Медком попахиват он;
Оклады толстые икон
Поблескивают золотым.
И все, как прежде, все, как встарь,
От пуговиц до эполета,
И пялит глазки государь
Из потемневшего багета...

Часы натенькивали грустно
Полузабытый ригодон;
Старик, причмокивая вкусно,

Как бы сосал их сладкий звон...
Воспоминаний смутным гулам
Отдавши должное, он встал:
Момент развода караулам,
Торжественнейший миг настал.

4

*А вместо обычного
ежедневного рапорта*

Однако древний адмирал
Часам не слишком доверял —
По луковице золотой
Еще раз время отмерял.
Он человек был занятой...
И, завершив сии дела,
Взял колокольчик со стола,
Где в силу точности и лет
Образовался круглый след.

Все шло согласно и прилично
Законному порядку дел:
На бляенье звонка обычно
Дежурный по тюрьме летел
И дверь беззвучно отворял,
И тут, размеренно шагая,
Внимал рапорту адмирал,
Свою трубочку разжигая.

Однако мы прервали нить
Повествованья.

Старикашка
Лишь вознамерился звонить,
Как в двери вперлась наша бражка.
Пошла тут музыка не та:
От тел громадных теснота,
Кто понимает —
Красота!..

5

*Шторм в заливе
и в морской тюрьме*

А было дело пополудни,
Наверно, в два иль в три часа.
Ударил праздник — смолкли будни,
И шторм на море начался.
Мутя и взвихривая воду,
Толклись в заливе толпы туч —
Штормяга стеганул их с ходу.
Застыло солнце, как сургуч.
А горизонт валил на сушу
Воды взлохмаченную тушу.
Суда на якорных цепях
Глотали пену второпях.
Шторм наседал без передышки —
Кричал: «Поберегись, братишки!»
В войну играют так мальчишки,
Молотят палкой по ведру.
Борт о борт терлись кораблишки,
Свистя снастями на ветру...

Покуда шторм гулял по Балту —
В противовес возне и гвалту
Отряд матросов, не спеша,
Под руководством Петраша
Открыл тюремные загоны,
Самодержавия кингстоны.
Народ взбурлил, что кипяток.
И с ревом ринулся поток.

6

*Заседает
революционный трибунал*

А между тем в комендатуре
Настал ответственный момент.
Дадим его сюда в натуре,
Как протокол, как документ.
— Гражданин, подвиньтесь ближе.
(Говорят тебе, иди же!)
Мы имеем план тюрьмы.
Не пойдем, однако, мы,
Не имеем указанья,
Где тут вечники у вас
Отбывают наказанье?
— Не отвечу никогда-с.
Предлагаю сей же час
Вам покинуть это зданье.
Выполняйте мой приказ...
Я по-русски говорю-с!
Я — солдат. Служу царю-с.
Я оружие применю...

Я вас всех угомоню...
В цепи хамов закую!..
Сокрушу! В тюрьме сгною!
Я вас!
Я вас...—
И старик
Нестерпимый поднял крик...
Вспоминать — одна потеха...
Но матросам — не до смеха:
Заскрипели зубами, шеи выгнули.
Бьет громадной ладонью Петраш по столу —
Если б стукнул по скале, расколел бы скалу —
Так, что всякие фигурки подпрыгнули.
— Ну так вот, старичок:
Поскрипел — и молчок.
Не хотел разговаривать мирно...—
И взглянул на притихших матросов Петраш:
Кто бушлат застегнул, кто поправил патронташ.
И тогда он командует: — Смирно!
Становись. Рассчитайся на первый-второй!.. —
Адмирал посмотрел на матросский строй:
Эх, плечи да груди! К герою — герой...
И по сердцу тоска скребанула.
А Петраш вызывает вторых номеров —
Всё он знал, был во всем разбираться здоров, —
Объявляет заседание трибунала.
— Вы садитесь, трибунал,
А вы стойте, адмирал...
Ну, товарищи матросы,
Задавай ему вопросы.—
Начинается допрос,

Поднимается матрос:
— Перед тобой — твой бывший раб,
Отвечай, седой сатрап:
Где — я спрашиваю — вечники? —
Только смотрит старый волк на подсвечники:
Ничего не говорит, волчий взор его горит.
Продолжается допрос,
И встает другой матрос:
— Нынче я твой господин.
У меня вопрос один:
Где — я спрашиваю — вечники? —
Только смотрит старый волк на подсвечники:
Ничего не говорит, волчий взор его горит.
И продолжается допрос...

Казалось, вечность протекла.
И вот звенит из-под стекла
Старинный танец ригодон;
Напоминает судьям он,
Что ход ничтожных шестерен,
Повидимому, не убыстрен.
И вышло время Петрашу
Подняться и сказать: — Прошу
Затянуть прения сторон!.. —

На мрачных лицах моряков,
Молодых и стариков,
Тюремщик мысль читал одну:
Иди ко дну! Иди ко дну!
Тони, и след свой уничтожь!..
Но трибунал молчал сурово.

Тогда Петраш сказал: — Ну, что ж,
Конечно, я скажу вам слово...—
Но как ему без всякой дрожи
Сказать о том, чего дороже
На свете нет,— о молодежи,
Страдавшей по на всех флотах,
О горьких зимах и летах?
А как сказать о стариках,
Его ровесниках, годках?
А ждут они сигнала схватки,
Сжав револьверов рукоятки
В своих обветренных руках...
Парень с подбитым глазом
Понял матросов разом:
— Братцы, огонь засветите —
Так что искать под землей.
Тряпки смоленые жгите,
Так что ступайте за мной...—
И моряков за собой
Вятский повел часовой.

7

Факелы свободы под землей

В углу тюремного двора
Зияла черная дыра.
Матросы лезли, чертыхаясь,
В тюремный вещевой цейхгауз.
И увидали моряки,
Что склад не уступал могиле:
Вдоль стен какие-то тюки

Распространяли запах гнили...
Шипели факелы, во тьму
Внезапно искрами стреляя.
Матросы шли по одному,
В проходах тесных застревая.
Они идут — и вдруг преграда...
На их пути явилась дверь.
Петраш сказал:
— А вот теперь
Мы подошли к воротам ада:
Давайте грохнем по вратам!—
На дверь упали два приклада —
Врата посыпались к чертям...
... Безумие творилось там:
Во тьме, в берлоге, полной смрада,
Где самый воздух смертью пах,
Сидели люди на цепях...

Быть может, показалось им,
Что час желанный казни грянул,
Иль, факельный вдохнувши дым,
Решили: свет свободы глянул —
Но поздно! Сердце не снесет,
Не выдержит удара счастья,
Оно расколется на части...
Ничто, ничто их не спасет.

8

Воля и свет — живым и мертвым

Была смущенная природа
Оглушена, ослеплена,—

Посланникам людского рода
Забыла подсказать она,
Подать совет: не торопитесь,
Подобна смерти спешка здесь,—
Голодным хлеб давать скупитесь:
Им надо понемногу есть...
А жизнь в них теплилась едва ли,
И на бушлатах моряков,
Лишенные своих оков,
Они, как мертвые, лежали.
Но снова море их влекло,
Волна привольная качала,
Туда, где солнце и тепло,
Где можно все начать сначала...
Туда — наверх! Туда — скорее!
Сыны несут своих отцов.
Так переводит батарею
На новый пункт расчет бойцов.
Так, разгромив тюрьму-музей,
Под марш, разыгранный штормами,
Столетнее выносят знамя
Пред очи светлые друзей...

Когда же с драгоценной ношей
Отряд поднялся на-гора —
Весенний день, такой хороший,
В тюремных окнах догорал,
И радостно шумело море,
Встречая милых сыновей.
На встрече той все волны были в сборе
В одежде праздничной своей!

Освобожденных положили,
К сердцам ладони приложили —
Увы, не слышно ничего!
Спасенные не пережили
Освобожденья своего.
Их вечер ласково милует
И в губы мертвые целует...

9

Почему кричала чайка...

Дело было в Ревеле,
Над морем чайки реяли,
Кричали на лету...
Их крики ветер схватывал,
На песню перекладывал,
А ветер песню ту
Донес однажды вечером
До слуха человеческого.
И вот она, стреножена,
На музыку положена,
На все сердца помножена,
Опять летит домой!
Крылами бьет по воздуху,
Кружит, не зная отдыху,
Над ревельской тюрьмой.
И пусть то время давнее,
Она — одна и та ж...
А дело было в Таллине,
Рассказывал о Сталине
Седой моряк Петраш.

И вдруг замолк, задумался,
С чего-то пригорюнился
И головой поник.
Со стариком, случается,
Неладно получается,
Как только птица-чайка
Уронит хриплый крик.
А ночью он ворочается —
Спать ему не хочется.
Уж он и то и се —
И с головой укроется,
А чуть вздремнет —
Построятся,
Готовые на все,
И пешие, и конные
Годки-дружки покойные,
И загудит гудок...

Ах, ночи паровозные!
Теплушки вы морозные!
Деньки лихие, грозные —
Семнадцатый годок!..

1939—1940

ПЕСНЯ

В ночи злые, штормовые
Вьются флаги кормовые,
Разъяренную пучину рвут винты...
Рвутся молнии кривые
Сквозь лавины громовые,

Разбегаясь и бросаясь с высоты...
Выйдет солнце молодое,
Вспыхнет море вихревое,
Озаряется бушующий простор.
Мчатся тучи над водою
Беспокойной чередою.
Но быстрее туч проносится линкор.

Дымом небо обдавая,
Мчись, громада броневая,—
Мы не выпустим покорного руля!
Блещет море, утихая,
Пролетела чаек стая —
Появляется далекая земля...

1939

СЛОВО

Хочешь, чтобы слово пело? Чтобы слышали его?
Чтобы во-время успело, чтоб друзей к себе влекло,
Чтоб, как бомба, разрывалось над трепещущим
врагом,
Чтоб, как знамя, развевалось — поднимало все
кругом?
Сталин — слово! Сталин — имя! Стяг борьбы, весны
побег!
Между самыми родными — всех дороже, ближе
всех.
Свет во тьму оно приносит, как маяк зовет вперед,
И с любовью произносит слово *Сталин* весь
народ!..

1939

СОЛДАТ

Был солдат,
Бежал солдат —
Словом, отступал солдат;
На бегу стрелял солдат.
Ждал, пока патроны выйдут;
Словом, отступал солдат.
Добежал солдат и видит —
Пулеметчики сидят.
Кто без шапки,
Кто без ног.
А один — без рук, без ляжки,
Из пробитой пулей фляжки
Пил
И умер, не допив,
Кровью землю затопив...
Перевернут котелок,
На костре лежит сапог.
Виден желтый поднаряд.
Вот что делает снаряд!..

Только лошади живут:
Ветки с дерева жуют,
Стукают ногами в пни,
Фыркают, вода ушами;
По бокам себя хвостами
Шумно бьют:
Их жгут слепни...
Все вокруг — на диво мирно,
Ясен круглый горизонт,

И, как по команде «смирно»,
Сосны тянутся во фронт.

Жарко.

Полдень подступает,
И из сосен выступает
Очень чистая смола.
На цветок ползет пчела...

Тихо мертвые сидят.
Молча лошади глядят,
Как в тени одной двуколки
Разуваются солдат.
С ног свертев гнилую бязь,
Зло во всех местах скребясь,
Рассуждает сам с собой:

«Страшен только первый бой...

Пуль боялся, кланялся...

К чорту в зубы нанялся...

Рев трубы сводил с ума:

Все казалось — смерть сама,

Как в атаку затрубит —

Все казалось, что — убит,

Что зарыт...

Э, да что там говорить!

Нет ли, братцы, покурить?..» —

Но у мертвого соседа
Не нашел солдат кисета,
Лишь в кармане рваной куртки —
Табачку на две закурки.
И на весь печальный лагерь
Лишь один кусок бумаги.

Наступил великий час:
Вспоминая, вновь учась,
По складам прочел солдат:
 — Бедный брат!
 Безумный брат!
 Посмотри, солдат, вокруг. —
Посмотрел солдат вокруг:
Тихо мертвые сидят,
Молча лошади глядят...
 — Кто, подумай, виноват? —
И задумался солдат.

Думал, думал —
Взял винтовку,
Вчетверо сложил листовку
И пошел босой солдат
Выяснить: кто виноват?..

1937—1939

ПОГРАНИЧНАЯ ШТОРМОВАЯ

Ветер воеет, ветер злится,
Вьется чайка над волной.
В эту пору штормовую.
Ничего не побоятся, —
Держит вахту боевую
Краснофлотец-рулевой.

Стрелки пляшут на приборах,
До предела поднят пар.
В эту пору штормовую

Парень-порох, парень дорог,
Держит вахту боевую
Краснофлотец-кочегар.

Мы догоним вражью банду —
Бурей мчимся по пятам!
В ту погоду штормовую
Пусть прикажет, даст команду, —
Держит вахту боевую
Краснофлотец-капитан.

Ветер воеет, ветер злится,
Вьется чайка над волной,
В ту погоду штормовую,
Как всегда, крепка граница, —
Держит вахту боевую
Краснофлотец-часовой...

1939

ЛЕТЧИКИ

—
Синяя пилотка,
Легкая походка,
Серый глаз орлиный,
Орден на груди.

Летная погодка!
Птица-перелетка,
Взвейся над равниной,
В небе загуди...

Синяя пилотка,
Шрам у подбородка,
Парень смуглолицый,
Орден на груди.

Летная погодка...
Птица-перелетка,
Над родной столицей
Взвейся, загуди!..

Мчит за птицей птица,
Весь народ дивится:
— Словно вдруг воскресли
Чкалов и Серов!

Можно в счете сбиться —
Столько их кружится!
Столько, сколько песен,
Сколько в песнях слов!..

1939

ПОВАР

Завернет мороз потуже
Или взбесится метель,
Или что-нибудь похуже —
Хоть граната, хоть шрапнель,—

Или даже самый частый
Так и сыплется огонь,—
В час урочный к нашей части
Тащит кухню рыжий конь.

И пойдет веселый говор
Вкруг бачков и котелков,
Потому что славный повар
И заботлив и толков.

Всех он держит на заметке
И на всех завел учет:
Тем, кто ночь провел в разведке,
Он погуще зачерпнет,

До краев наполнит плошку
И при случае таком
Скажет:
— Ешь, орудуй ложкой,
Как лопатой, как штыком!

— Дорогой ты наш товарищ,
Мастер дела своего!
Что ни жаришь, что ни варишь —
Нет вкуснее ничего.

А твое простое слово
Уважают все вокруг.
Ты для нас — не только повар,
А хороший, близкий друг.

ЛВО.

Январь 1940

ОКТАБРЬСКАЯ НОЧЬ

Реже выстрелы гремели...
Ночь октябрьская пришла —
Между выстрелами песня
Доносилась, чуть слышна...

Вдоль по Невскому проспекту
Шел с винтовкой за плечом
Молодой заводский парень
Повидаться с Ильичом...

Отовсюду в это время
Шли солдатские полки,
Шли балтийские матросы,
Красной гвардии стрелки...

Дом с колоннами старинный,
С красной надписью доска,
А у входа два матроса
Проверяли пропуска...

Реже выстрелы гремели,
Ночь осенняя прошла.
На кострах красногвардейских
Стыла серая зола...

В дом с колоннами старинный
Шел с винтовкой за плечом
Молодой заводский парень
Повидаться с Ильичом...

1939

ОТТЕПЕЛЬ

Ненастье — странный праздник мой:
В густом тумане дня начало.
Снег, перемешанный с водой.
Вкруг все бормочет, что молчало.
Бежит по трубам прежний лед,
Успевший в воду превратиться.
Вообразив, что перелет,
Нежданно вскрикивает птица;
Внезапно, склеив части дня,
Декабрь часы на час надвинет,
И все живое вкруг меня
Какой-то миг молчит и стынет.

Мигает влажная звезда
И вновь скрывается. И вскоре
Сплошная тьма. Журчит вода,
А издалёка поезда,
Как журавли, зовут на море.

1939

В ГРУДИ НАРОДА — СЕРДЦЕ МОРЯКА

Прильнули к телу родины моей
Два океана и четырнадцать морей —
С востока, с запада, и с севера, и с юга.
В приboях соль кипит, валы теснят друг друга.
В груди народа — сердце моряка,
А мощь народная, как море, широка...
Стремилась по Днепру на юг ладьи Олега,

И русский меч сверкал у вражеского берега,
Не зря стучал топор Великого Петра,
Не зря сдавались нам соленые ветра.
Нам дороги и тем еще родные воды,
Что славный русский флот стал вымпелом свободы:
В тот самый миг, как красным флагом осенен
«Потемкин» был,— качнулся царский трон...
Когда взошел Октябрь и, сжатая фронтами,
Дралась республика с несметными врагами,—
Повсюду партия бросала моряка,
Он шел, и выводила верная рука
И бронепоезда на белых генералов,
И подписи на протоколах трибуналов...
А в наши дни, когда пытался гад,
Слепой от ярости, напасть на Ленинград,—
Натура моряка, отвага патриота
Во льдах прославили сынов морского флота...
Так развевайся, гордый флаг страны моей!
В четыре стороны огнем свети и рей!
С востока, с запада, и с севера, и с юга
В приboях соль кипит, теснят валы друг друга,
И мощь народная, как море, широка:
В груди народа — сердце моряка!

28 июля 1940

* * *

Мы привыкаем к пушечному грому,
И, находясь в передовых частях,
Идем к землянке, как к родному дому,
Едим и пьем спокойней, чем в гостях.

Закат угас на дальнем горизонте,
Мерцает звездами, шумит лесами ночь.
Друзья мои, я с вами — здесь, на фронте.
Я к вам пришел — своим стихом помочь...

— Стой, кто идет?! — Шепну тихонько: мушка,—
Землянка станет кровом для меня.
Мы ляжем вместе, и над нами пушка
Пойдет греметь до наступленья дня...

Начнем с воспоминаний мы беседу.
О недалеком прошлом о своем
Сосед расскажет мне, а я соседу.
Потом подумаем, покурим и заснем.

И сон нас обоймет, стремительный и дружный,
С миганьем лампочки и пушечной стрельбой.
Быть может, нам приснится берег южный
И солнца свет, и теплых волн прибой.

ЛВО.

Январь 1940

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Распалясь, дрова трещали,
Шел от печки легкий жар.
За столом сидели двое —
Командир и комиссар.
Пили чай, писали письма
Возле лампочки штабной.
Полевые телефоны

Тонко пели за стеной.
И наверно три-четыре,
А от силы пять шагов
Отделяли их от ночи,
От мороза, от врагов.
Еле слышный говор пушек
Долетал издалека,
А за озером разведка
Добывала «языка».
Враг готовился к отходу —
Вдалеке пылал пожар...
Обо всем подробно знали
Командир и комиссар...
И приходит к ним дежурный
И доносит, что сейчас
В штаб явились лейтенанты.
Двое.
— Просятся до вас...
— Что ж, давай,— сказал полковник,—
Пусть товарищи войдут...—
И в квадрате светлой двери
Встали двое тут как тут.
— Кто такие? А, Луценко!
А с тобою кто таков? —
Комиссар подносит лампу:
— Ба, товарищ Куликов!..
Ну, орлы! Явились впору,
Как писали, так и есть:
Дескать, будем, дескать, едем...
Слышь, полковник, оба здесь.
Как рука?

— Да все в порядке.
Вспомните мое письмо:
Кость здоровая была бы —
Мясо вырастет само.
Точно,—
Говорит Луценко,—
Хоть сейчас пойдем в бой.
Я и сам себе не верю,
Что сбылись мечты мои.
В боевых рядах я снова,
Воротился в полк родной,
Жду приказа — только дайте,—
Роту выведу на бой.
Головой своей ручаюсь,
Верьте, вот моя рука —
Будет виться над Кексгольмом
Знамя нашего полка.—
И протянутую руку
Командир полка пожал
И, взглянув в глаза героям,
— Верю,— только и сказал.

ЛВО.

Январь 1940

ОЛЕНИК

Над суровой тундрой
Расцветает день.
Ходит по болоту
Маленький олень.

Вырастет оленик,
Легкий на бегу,
Вырастет оленик —
В нарту запрягу.

Побежит оленик,
Почту повезет.
Побежит оленик,
Ногу ушибет.

Ой ты, мой оленик,
Легкий на бегу,
Ты лежишь, оленик,
Стонешь на снегу!

Встать олень не может —
Падает опять.
Силы нехватает
Голову поднять.

Ой ты, мой оленик,
Подыми рога!
Нам мороз не страшен,
Не страшна пурга.

Нам нельзя, оленик,
Остаться тут:
В нашей почте — радость,
Люди писем ждут!..

Встал олень, поднялся —
Побежал олень.
Над широкой тундрой
Начинался день.

1939

НАМ СДАДУТСЯ СНЕГА!

1

Гей, вперед да вперед без дороги.
Не беда, если взвоет пурга, —
Наши крепкие выдержат ноги,
Все равно нам сдадутся снега!
Затрещал мороз,
Снег сияет скользкий.
Мы идем на кросс
Лыжный, комсомольский.
Ветер, вей,
 вей,
 вей,
Наметай сугробы!
Мы твоей —
 ей-ей! —
Не боимся злобы!..

2

Ночь нам звезды зажжет путевые
И поможет быстрее дойти,
И расступятся сосны седые,
Если лес повстречаем в пути..

По лесам густым,
По полям безбрежным
Впятером летим
По просторам снежным!
Ветер, вей,
 вей,
 вей,
Наметай сугробы!
Мы твоей —
 ей-ей! —
Не боимся злобы!..

3

Мы укрепнем назло непогоде,
На морозном ветру загорим,—
Будем стойкими в трудном походе
И в суровых боях победим!
Шире шаг, шаг, шаг!
Финиш недалеко.
Берегись
 нас,
 враг,—
Будем бить жестоко.
Ветер, вей,
 вей,
 вей,
Наметай сугробы!
Мы твоей —
 ей-ей! —
Не боимся злобы!..

Гей, вперед да вперед без дороги.
 Не беда, если взвоет пурга:
 Наши крепкие выдержат ноги,
 Все равно нам сладутся снега!
 Затрещал мороз,
 Снег сияет скользкий.
 Мы идем на кросс
 Лыжный, комсомольский.
 Ветер, вей,
 вей,
 вей,
 Наметай сугробы!
 Мы твоей —
 ей-ей!—
 Не боимся злобы!..

ВЕСЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

Талантов — тьма в народе,
 Не сосчитать вовек,
 А между ними ходит
 Веселый человек.

Поход тяжелый самый,
 Еще далек ночлег,—
 А что нам, если с нами
 Веселый человек?!

Больной здоровым станет —
 Не надо и аптек,

Коль на больного глянет
Веселый человек.

Умеет в час военный
Отбить врага набег
Простой, обыкновенный,
Веселый человек,—

Тогда стреляет, рубит
Едва ль не лучше всех;
Тогда шутить не любит
Веселый человек!..

ЛВО.

1940

* * *

Шли дожди. Скакали кони.
Под копытами вода.
Ну, так что же, что вода?
Это, братцы,— не беда.
А зато была узорная, озерная вода.
Наша молодость бессонная — хорошие года.

Да клинок!
Да грива черная!
Да красная звезда!..

Вспомянем нашу юность:
Голод,
Бой

И снова
Бой,
Переходы,
Переправы —
Шли дожди и пахли травы.
Иногда стучали кони в мокрый камень
мостовой,
И тогда приоткрывалось
То окно над головой —
Ты смотрела, улыбалась...
Так встречались мы с тобой...

1938—1940

ОЖИДАНИЕ

Сергею Диковскому

Когда закат пожаром вспыхнет,
На берег Волги выходи.
Меня не встретишь — не тревожься,
Не сомневайся... подожди.
Вдали услышишь плеск знакомый —
Спустись к воде, вперед гляди.
Нет! Это рыбка заплескалась!
Не беспокойся — подожди.
Когда звезда над Жигулями
Блеснет надеждой впереди,
Ты слушать будешь каждый шорох.
Но не волнуйся — подожди.
Не раз меня ты похоронишь,
Не раз с отчаяньем в груди
Слезу невольную уронишь...

Но не печалься — подожди.
Зачем тревожиться напрасно,
Смотреть сквозь слезы на звезду?
Ты не услышишь плеска весел:
Ведь я под парусом приду.

1939

ПЕСНЯ КРАСНОЙ ПЕХОТЫ

Да здравствует Красная рота!
Идет она в дальний поход.
Несметная сила — пехота,
Воюет и песни поет.

Да здравствует наша подруга!
С тобою, винтовка, вдвоем,
Бойцы от Хасана до Буга
Дружили и ночью и днем.

Привет вам, стрелок и разведчик!
Привет тебе, милый наш друг,
Учитель и верный советчик,
Товарищ бойца — политрук!

Одна нами движет забота —
Прославить отчизну в бою.
Да здравствует наша пехота!
Желаем удачи в бою

И выдержать трудности марша
Иль с честью в сражении пасть.

Да здравствует славная наша,
Родная пехотная часть!

Ряды большевистские множит
Дорога великой борьбы
До тех рубежей, где, быть может,
Мы временно ставим столбы.

И пусть закуется граница
В бетон и могучую бронь —
Тогда все равно сохранится
Тот вечный и грозный огонь,

Который горит неустанно
Врагам на погибель и страх,
Который и Ленин и Сталин
Посеяли в наших сердцах!

1939

40 коп.

ГОСЛИТИЗДАТ
1941